

ЖАН-КРИСТОФ РУФЕН

ЖАН-КРИСТОФ РУФЕН

КРУГО-
СВЕТНОЕ
ПУТЕ-
ШЕСТВИЕ
КОРОЛЯ
СОБОЛЯ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Р 91

Jean-Christophe Rufin
LE TOUR DU MONDE DU ROI ZIBELINE
Copyright © Editions GALLIMARD, Paris, 2017

Перевод с французского Риммы Генкиной

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-15848-1

© Р. К. Генкина, перевод, 2020
© А. Ренье, статья, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство ИНОСТРАНКА®

Жизнь как роман

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт,
Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Н. Гумилев. Капитаны

Николай Гумилев вряд ли слышал о графе Бенёвском, одном из последних странников бурного восемнадцатого века, но есть в этих строчках что-то созвучное удивительной судьбе короля Соболя. А его судьба — от мятежной юности до внезапной трагической смерти — идеально вписывается в очерченные Львом Гумилевым, сыном поэта, параметры пассионарных личностей¹.

Мориц Август Бенёвский (1746–1786) родился в семье венгерского дворянина, полковника австрийской армии, в местечке Вербово (Врбове). Сельцо неприметное, что называется, *меж высоких хлебов затерялося*. Поблизости ни морей, ни океанов, даже Дунай и тот в сотне верст. Вроде бы ничто не предвещало, что непоседливый дворянский недоросль — на коне, пешком, на санях, под парусом — обогнет земной шар, сравнявшись славой с Джеймсом Куком и Лаперузом. Правда, в отличие от экспедиций знаменитых современников, Бенёвский далеко не всегда путешествовал добровольно, ибо еще в молодости умудрился прогневать двух самых могущественных правительниц той эпохи. Сначала Марию-Терезию, императрицу Австро-Венгрии (она своим указом лишила его наследственных имений), а потом Екатерину Вторую, императрицу всея Руси. Приговоренный за участие в Польском восстании к сравнительно мягкой ссылке

¹ Пассионарность, по Л. Н. Гумилеву, проявляется в поведении личности как предприимчивость, готовность нести жертвы ради идеала, желание и способность изменять мир, в частности свой ландшафт.

в Казань, Бенёвский вместе с приятелем-шведом совершил дерзкий побег, добрался до Петербурга, чтобы сесть на корабль и вновь отправиться в Польшу. Но с корабля беглецы угодили не на бал в Варшаве, а в Петропавловскую крепость. Их дело рассматривал граф Никита Панин, председатель следственной комиссии. Бенёвский написал расписку, что «никогда не станет поднимать оружие против России». Однако вместо освобождения 4 декабря 1769 года арестантов посадили в сани и под конвоем повезли в ссылку на Камчатку, «чтобы снискивали там пропитание трудом своим». Так что просторы Российской империи Бенёвский познавал в принудительных и зачастую пеших странствиях по этапу. Как и наш герой, Екатерина II была ярой поклонницей философов-энциклопедистов, но, в отличие от Бенёвского, грезившего о землях, где будут царить свобода и равноправие, признавала права человеческих существ лишь в теории. Прекрасно понимая, что российский «бунташный век» с восстаниями Разина и Болотникова не закончился, она тщательно выпалывала ростки свободомыслия.

Российские власти без раздумий направляли бунтовщиков на задворки империи, именно поэтому прыткий авантюрист, против ожидания, не был выслан в Европу, а направлен на Камчатку, в Большерецкий острог. Даже два с половиной века спустя навигаторы не могут проложить туда наземный маршрут, а граф Бенёвский проделал этот путь на санях и пешком в кандалах: без малого семьсот верст до Москвы, далее семьсот тридцать пять верст по Владимирскому тракту до Казани, далее по Уралу и Сибири немерено... до самого Охотского моря. В Тобольске арестант выпросил гусиное перо, бумагу и принялся вести записи, которые впоследствии превратятся в мемуары. В Большерецком остроге ссыльных особо не охраняли, а зачем, когда это край державы, вокруг холодное море и тысячи верст по тундре и тайге. Казалось, все кончено, но Бенёвский увидел в этом начало новой шахматной партии, а шахматистом он был, видимо, незаурядным, недаром впоследствии играл и со знаменитым Филлидором, и с американским послом Бенджамином Франкли-

ном, а его излюбленная комбинация вошла в некоторые учебники шахматной игры как «мат Бенёвского». И вот, проводя вечера за шахматной доской, преподавая языки (а он знал шесть языков), рассказывая о виденных городах и странах, арестант обнаружил в Большерецком остроге немало людей, недовольных своей участью. Возглавить заговор было делом техники. И вот в конце апреля 1771 года мятежники, к которым присоединились и местные охотники, захватили крепость. Побег по суше невозможен, но в порту стояло казенное парусное судно, предназначенное для каботажного плавания. Несколько дней ушло, чтобы перебросить туда пушки, оружие, боеприпасы, столярные и слесарные инструменты, деньги из Большерецкой канцелярии, изрядно пушнины, съестные припасы, вино, а также архивы коменданта крепости. И вот якорь поднят, корабль выходит в Охотское, а потом в Берингово море. *О Русская земля! Ты уже за... бортом.*

Бенёвскому двадцать пять. Перед ним весь мир. Он попытается изменить его, а изменится сам. Но в самых отчаянных ситуациях он вряд ли пожалеет о том, что однажды сложил в дорожную котомку любимые книги французских философов и ступил за порог отцовского дома.

Через пятнадцать лет, 23 мая 1786 года, шальная пуля оборвала эту мятежную жизнь. Бенёвскому было неполных сорок. Через четыре года написанные по-французски воспоминания Бенёвского были переведены его соратником на английский и вышли в свет в Лондоне: «*Memories and Travels of Mauritius Augustus Count de Benyowsky: Consisting of His Military Operations in Poland, His Exile into Kamchatka, His Escape and Voyage from that Peninsula through the Northern Pacific Ocean, Touching at Japan and Formosa, to Canton in China, with an Account of the French Settlement He Was Appointed to Form upon the Island of Madagascar*»¹. Через два месяца появилось не-

¹ «Мемуары и путешествия Морица Августа графа Бенёвского: состоящие из его военных действий в Польше, ссылки на Камчатку, его побега и путешествия с этого полуострова через Северный Тихий океан, Японию и Формозу в Кантон в Китае, обустройства во Франции и организации экспедиции на остров Мадагаскар» (англ.).

мецкое издание, а год спустя книгу напечатали в Париже, а затем еще во многих странах. Ошеломленные читатели узнали, что автор был венгерским дворянином, австрийским бароном, польским графом, капитаном гусар, польским полковником, французским генералом, участником Польского освободительного восстания, побывал в плену, в тюрьмах, в ссылке, на каторге, был начальником Камчатки, командиром корабля, руководителем экспедиций, пиратом, коммерсантом, дипломатом и умер королем Мадагаскара.

После выхода мемуаров начинается, по сути, вторая жизнь великого авантюриста. Возникает легенда о сокровищах Бенёвского. Словакия, Венгрия и Польша оспаривают честь считаться его родиной, его именем называют улицы, ему ставят памятники, посвящают исторические исследования, романы и пьесы, оперы и поэмы, фильмы и сериалы. До сих пор ищут будто бы спрятанные им сокровища: «золото-брильянты» с французского галеаса «Анжблуа».

Несколько лет назад Жан-Кристоф Руфен, известный французский писатель, лауреат Гонкуровской премии, историк, дипломат, один из основателей движения «Врачи без границ», чьи книги неизменно возглавляют списки бестселлеров, увлекся личностью загадочного мореплавателя. Роман «Кругосветное путешествие короля Соболя» вышел в издательстве «Галлимар» в 2017 году¹. Невероятную историю Морица Бенёвского он изложил на два голоса: путешественник и его русская жена Афанасия, дочь коменданта Больше-рецкого острога, рассказывают Бенджамину Франклину, одному из отцов-основателей Соединенных Штатов, о своей жизни.

Как сказал Аристотель, путешествие того стоило.

Александра Реньё

¹ *Jean-Christophe Rufin. Le tour du monde du roi Zibeline. Paris : Galimard, 2017.*

КРУГО-
СВЕТНОЕ
ПУТЕ-
ШЕСТВИЕ
КОРОЛЯ
СОБОЛЯ

Бенджамин Франклин с искаженным от боли лицом стоял за креслом, вцепившись руками в деревянную спинку, и злобно смотрел на дверь.

Ревматизм не давал ему покоя с самого возвращения из Филадельфии. И становилось все хуже. Двое арестантов из соседней тюрьмы носили его сидящим в кресле. Эта парочка здоровенных ворюг его обожала, но от них, по его мнению, слишком несло сивухой.

Бенджамин Франклин смотрел на дверь, потому что она должна была вот-вот открыться. Каждое утро начиналось одинаково — с ожидания и последующего разочарования. Толпа просителей и вереница поклонников являлись засвидетельствовать свое почтение и испросить помощи. Одни и те же истории про несправедливые приговоры, войну с соседями и нуждающихся вдов. Он слушал вполуха, качал головой, постариковски уходя в раздумья о судьбе, которая выпала ему, и о той, которую ему уже не суждено узнать. Вот она, людская неблагодарность! Кто провел переговоры с англичанами от имени американских переселенцев? Кто был редактором американской Декларации независимости? Кто создал первую почтовую службу, пожарные части, крупные газеты и вообще свободную прессу? И кто почти одиннадцать лет

представлял едва родившиеся Соединенные Штаты у французов? Однако к тому времени, когда он вернулся, интриганы уже поделили между собой власть и на его долю не пришлось ни серьезного поста, на что он имел полное право, ни каких-либо почестей. Разве он не заслужил, чтобы к нему прислушивались и следовали его пожеланиям, да только кто на это пойдет?

Дверь приоткрылась. Секретарь просунул голову:

— Вы готовы, сударь?

Бенджамин Франклин пробурчал «нет», с трудом обошел кресло и рухнул в него, постанывая от боли.

— Кто там сегодня, Ричард?

Старый слуга, привыкший за столько лет справляться с дурным настроением своего господина, спокойно взглянул на список, который держал в руке:

— Записано двенадцать. Но на улице еще человек тридцать. Если вам будет угодно.

— К черту! Дай сюда бумажку.

Старик нацепил на нос бифокальные очки — еще одно его изобретение, причем единственное, служившее ему до сих пор, а на молниеотвод ему теперь наплевать...¹ Пробежал список, бормоча имена себе под нос. Все эти Льюисы, Дэвисы и Кеннеди были ему слишком хорошо знакомы, даже если никого из них он никогда не встречал.

— Надо же! — заметил он, ткнув костистым пальцем в середину списка. — Граф Август и графиня А. Что еще за парочка? Ее действительно зовут А., эту графиню?

¹ *Бифокальные очки и молниеотвод* — наиболее известные изобретения Бенджамина Франклина. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Ричард наклонил голову. Он был маленький и упитанный, и подобная поза делала его похожим на послушного пса.

— Вы же знаете, сударь, у меня трудности с иностранными словами. Эти двое прибыли из Европы, и я не очень разобрал их фамилии. Там что-то вроде «ски» на конце.

— И поэтому ты записал не фамилии, а имена?

— Только у мужчины, сударь. А у дамы и имя какое-то непонятное.

Слово «Европа» разбудило Франклина. С самого возвращения его грызла такая ностальгия по этому континенту, что любое напоминание о нем не было лишено притягательности.

— Говоришь, они из Европы... А откуда именно?

— Из Парижа.

Старый ученый вытаращил глаза. В сущности, из всей Европы только Париж имел для него значение, именно там он познал триумф, счастье, надо ли говорить, что и любовь?

— Из Парижа! Я их уже видел?

— Они утверждают, что да. Точнее, они говорят, что вы встречались, но, вполне возможно, вы их не вспомните. Особенно дама настаивает, что...

Франклин разволновался. Он не знал, что думать. Сама мысль повидаться с людьми из Парижа была величайшим счастьем, какого он только мог себе пожелать. А если он уже встречался там с этой дамой, тем лучше. Но зачем же она явилась с мужем?

— Чего они хотят? Они сказали? Тебе не показалось, что у них... недобрые намерения?

Ричард пожевал губами:

— Вовсе нет! Напротив! Они горят нетерпением увидеть вас и предвкушают радость встречи.

Тайна сгущалась, и Франклину это нравилось. Что может быть лучше в его возрасте, чем сюрпризы и хорошо рассказанные истории?..

— Отошли всех остальных! Пусть приходят завтра или отправляются в преисподнюю. И пригласи ко мне этого графа Августа и даму, с которой я, похоже, знаком.

— Слушаюсь, сударь.

Бенджамин Франклин снял очки. Стряхнул крошки с костюма и одернул полы сюртука. Потом пригладил и заправил за уши то, что осталось у него от волос, по-прежнему длинных. Интересно, какой мгновенный эффект возымело слово «Париж»: он выпрямился и озаботился своей внешностью, увы, не питая ни малейших иллюзий насчет привлекательности своего бедного, почти обездвиженного тела. Неважно, ведь речь пойдет о временах, когда все эти немощи его еще не преследовали.

Ричард снова распахнул дверь, на этот раз настежь, и пригласил чету. Мужчина и женщина шли в ногу, она чуть впереди. Он приобнимал ее за талию, но весьма сдержанно. Это был естественный, привычный и ласковый жест.

Оба они были довольно высокого роста. Он казался немного старше, но едва ли достиг сорока лет. Она выглядела очень юной, но ступала с уверенностью зрелой, состоявшейся женщины.

Бенджамин Франклин сначала оглядел их вместе — настолько пара, которую они составляли, пре-

ображала их индивидуальные черты, наделяя обоим неким общим обаянием. Потом они устроились каждый в своем кресле, которые пододвинул им Ричард, и Франклин смог рассмотреть их по отдельности. У графа Августа было загорелое лицо, очень мягкие синие глаза и светлые, коротко стриженные волосы, не припудренные и не прикрытые париком. В его манерах чувствовалась странная смесь живости и властности, граничащей со свирепостью. В то же время его глубокий, внимательный взгляд свидетельствовал о натуре вдумчивой, склонной скорее к размышлениям, чем к мечтаньям, способной находить в реальности обширный материал для работы мысли, которая, спрятавшись за загадочным лицом, жила собственной жизнью и собственными устремлениями. У Франклина он сразу же вызвал чувство легкой опаски.

Он остерегся слишком явно разглядывать его спутницу. Но вовсе не из-за отсутствия желания. Она воплощала в себе все, что он любил в жизни. Сияющая молодостью и здоровьем, элегантно чисто по-парижски, выражение лица сдержанное, а в глазах светится ум. Она держалась очень прямо в своем пастельно-голубом платье из индийского муслина, длинном и объемном, женственно зауженном в талии под кружевным лифом, открывающим ее тонкие руки. Лицо ее было едва подкрашено — только немного черной краски на веках, подчеркивающей яркость синих глазных радужек. Прическа была несложной, наверняка она сделала ее сама, сжимая губами шпильки. И в то же время она представляла собой обыкновенный шедевр женского мастерства, как те простые блюда, которые на скорую руку готовит знаменитый шеф-повар для

неожиданных гостей. И эта изысканность вовсе не умаляла ощущение стойкости и воли, исходящих от молодой женщины.

Увы, Франклин тщетно напрягал память: хотя графиня и навевала воспоминания о чудесных встречах в Париже, в них не было ничего, что касалось бы ее лично. Ее внешность и манеры всколыхнули образы многих женщин, но именно ее, как отдельную персону, он не узнавал.

В каком-то смысле это и лучше. Ему не в чем себя упрекнуть. Однако загадка становилась все более увлекательной.

— Итак, — начал он, глядя по очереди на каждого из гостей, — вы приехали из Франции?

— Не совсем так. Сначала мы остановились в Санто-Доминго. Но позвольте нам представиться, дорогой господин Франклин. Я граф Август Бенёвский, а это моя супруга, Афанасия. С нами наш сын Шарль.

— И где же он, этот ребенок?

— Остался на постоялом дворе. Мы не хотели утомлять вас его присутствием. Ему всего восемь лет...

— И напрасно. Я обожаю детей. Могу ли я спросить, зачем вы приехали в Америку?

— Чтобы повидать вас.

— Надо же. Какая честь!

В глубине души Франклин был немного раздосадован тем, что и эти люди принадлежали к сонму ежедневно осаждающих его просителей. К счастью, он не сомневался, что их обращение будет куда оригинальней, чем обычные просьбы вмешаться.

— Значит, вы французы? — продолжил он, желая побудить их рассказать о себе.

— Нет. Я венгр, — сказал Август. — Или, скорее, поляк. Ну, скажем, отчасти и то и другое.

— Понимаю, — сказал Франклин, который, вообще-то, никогда не стремился обогатить свои знания о глубинках Европы. — А вы, мадам, тоже полька?

— Нет, — промолвила Афанасия. — Я русская.

Ее хорошо поставленный голос был низковат для представительницы слабого пола, что лишь добавляло ему чувственности.

— Русская. Да неужели! А я было решил, что вы парижанка...

— Не знаю, комплимент ли это...

— Безусловно! — поспешил заверить Франклин.

— В таком случае я с удовольствием его принимаю и благодарю. Мы действительно некоторое время жили в Париже.

— И, простите мою нескромность, там вы и встретились?

— Нет, сударь. Мы познакомились на берегу Тихого океана.

Август сказал это спокойно, будто предложил Франклину прогуляться по набережной в соседнем Делавэре.

— Тихого океана! Так вы мореплаватели?

— Я бы так не сказал, хотя нам пришлось немало поплавать по морям.

Эти маленькие загадки Франклину нравились. Он почти забыл про свой ревматизм, хотя правое бедро все еще немного дергало.

— Простите мне мое любопытство: а в обычное время и когда вы не навещаете меня в Филадельфии, где вы живете? На Тихом океане?

— Нет, на Мадагаскаре.

— Ну и ну!

Франклин знал совсем немного об этом африканском острове, и та малость, которую он запомнил, позволяла думать, что места там дикие. Он бросил взгляд на Афанасию. Выглядевшая как самая настоящая великосветская дама, та спокойно улыбалась, распространяя вокруг себя мягкий аромат лилий и жасмина.

— А что вы делаете на Мадагаскаре? Полагаю, вы занимаете там какой-то пост.

Август на мгновение задумался, потом скромно произнес:

— Я король.

Это утверждение, прозвучавшее после стольких загадок, сделало неправдоподобным все, что до этого говорили Август и его жена. Как последняя карта рушит весь карточный домик, так и одно это слово смыло, как холодный душ, всю благожелательность Франклина. Теперь он смотрел на обоих как на мошенников, насмежавшихся над ним. Он выпрямился, поморщившись от боли в бедре.

— Вы решительно полагаете, что мое невежество столь велико?

— Что вы хотите сказать?

— Вы уверены, что я не знаю, что Мадагаскар населен чернокожими? И их король, если таковой имеется, не может быть ни венгром, ни поляком.

Афанасия слегка наклонилась вперед и протянула к нему руку. На безымянном пальце у нее было кольцо с большим сапфиром в тон платью. Лак цвета слоновой кости покрывал ногти, придавая им блеск.

Франклин почувствовал, как пальцы молодой женщины коснулись тыльной стороны его ладони.

— Это правда, сударь. Август — король той страны. Его называют «король Соболь».

«Соболь! — подумал Франклин. — И что дальше? Чушь какая-то».

Афанасия смотрела на старика не моргая, и тот с трудом сглотнул.

— Пусть так, — прокричал он. — Я вам верю.

В конце концов, ходило немало историй про авантюристов, которые кроили себе царства у дикарей и жили там сатрапами. Эти двое были из той же породы. И однако, глядя на них — таких элегантных, раскованных, цивилизованных, — Франклин никак не мог совместить их образ со своими представлениями об авантюристах и пиратах.

Афанасия откинулась назад. Повисла пауза, потом Август снова заговорил:

— Я король, но мне бы не хотелось им оставаться. Именно поэтому мы и приехали повидаться с вами.

«Если он король, то явно не такой, как другие, — подумал Франклин. — Я не знаю среди них ни одного, кто добровольно отказался бы от своих исключительных прав». Все эти загадки в конце концов разведали его, и угасший было интерес вспыхнул вновь.

— Прошу меня извинить, дорогие друзья. У меня есть все основания верить вам, поскольку вы мне представляетесь достойными доверия. Но позвольте заметить, что ваше дело пока что кажется совершенно непостижимым.

— Мы только и желаем, что объясниться. Кстати, именно для этого мы и пересекли Атлантику.

— Что ж, приступайте.

— Это долгая история.

— Очень долгая история, — добавила Афанасия, молодая женщина, с которой Франклин не спускал глаз.

— Она охватывает множество стран, повествует о трагедиях и сильных страстях, разворачивается среди дальних народов, чья культура и языки отличаются от всего, что известно в Европе...

— Пусть это вас не смущает! Напротив, вы до крайности возбудили мое любопытство. Ничто не доставляет мне такого удовольствия, как захватывающие истории. Они заставляют забыть о моем возрасте и недугах.

— Но она действительно такая длинная, что рассказывать ее, возможно, придется несколько дней.

— Пока ваш рассказ будет увлекать меня, вы будете желанными гостями. Станьте для моих болей тем же, чем Шехерезада — для смерти. Утишите их своими речами.

— Будь по-вашему, — с серьезным видом заключил Август. — Мы изложим нашу историю по очереди. Если Афанасия не возражает, начну я.

Бенджамин Франклин устроился поудобнее в кресле и прикрыл глаза. Снаружи ветер вздымал кленовые листья в осеннем саду. Ричард развел огонь в камине и поставил перед рассказчиками чашки с дымящимся чаем. Аромат духов Афанасии наполнял теплый воздух комнаты. Существует ли на свете, подумал Франклин, более идеальная картина счастья?

АВГУСТ

I

Я бы сказал, что все началось в тот день, когда отец выгнал моего наставника. Его звали Башле. Он был француз и жил у нас в доме уже три года. До его появления мое существование было довольно унылым. Вы же знаете, какая жизнь в этих старых замках... Хотя нет, вы, конечно же, не знаете. У вас, в Америке, ничего подобного нет!

Представьте себе огромное черное здание, со стенами толщиной в две лошади, поставленные рядом. Редкие проемы сделаны там, где их решил пробить мой прадедушка, когда турецкая угроза, казалось, миновала. Летом те места сплошь покрыты зеленью. Следует всегда опасаться зеленых стран: это означает, что они не испытывают недостатка во влаге.

По сути дела, весной и осенью мы жили под дождем. На границе венгерской равнины, там, где земли плавно взбираются к Карпатам и Польше, тучи ползут вдоль склонов, душат долины и возмущаются, встречая малейшее сопротивление. Пик, на котором был выстроен наш замок, дорого платил за свою дерзость: полгода его трепали бури и хлестали ливни.

Содержание

<i>Александра Ренье. Жизнь как роман</i>	5
--	---

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КОРОЛЯ СОБОЛЯ

АВГУСТ	21
АФАНАСИЯ	83
АВГУСТ	163
АФАНАСИЯ	215
АВГУСТ	279
ЭПИЛОГ	353
Послесловие	372
Примечание	376

Руфен Ж.-К.

Р 91 Кругосветное путешествие короля Соболя : роман / Жан-Кристоф Руфен ; пер. с фр. Р. Генкиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 384 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-15848-1

Жан-Кристоф Руфен, известный французский писатель, лауреат Гонкуровской премии, историк, дипломат, один из основателей движения «Врачи без границ», написал немало книг, завоевавших огромную популярность.

Мориц Август Бенёвский — красавец-аристократ, хромавший, как Байрон, влюбленный и пылкий, как Казанова, рискованный, как Фрэнсис Дрейк, Генри Морган или граф Калиостро, строптивец, лишенный наследства, мечтавший о морях-океанах в польской деревеньке и в каземате Петропавловской крепости, — герой нового романа Жан-Кристофа Руфена «Кругосветное путешествие короля Соболя». Для этого авантюриста не было невозможного: поднять бунт, совершить побег, преодолеть тысячи верст по суше и тысячи лье по морю (Франция, Камчатка, Япония, Формоза, Америка, Бразилия), основать царство равенства и свободы на прекрасном острове Мадагаскар, слывшем раем для пиратов и работяг, стать королем, исповедуя идеалы равенства и свободы, — все это было в его силах. О Бенёвском написаны романы, поставлены пьесы, сняты фильмы. Его жизнь была окутана тайной. И суть его личности так и осталась загадкой.

Впервые на русском!

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЖАН-КРИСТОФ РУФЕН
КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
КОРОЛЯ СОБОЛЯ

Ведущий редактор Галина Соловьева
Редактор Елена Леонова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Елена Терскова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать 02.10.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 24. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-24252-01-R